

ЧЕХОВ В ШКОЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ: ДОСТИЖЕНИЯ ИЛИ ПРОВАЛЫ?

Статья представляет собой размышления о месте А.П. Чехова в жизни нашего общества и, в частности, в системе преподавания литературы. Импульсом к суждениям автора методического и публицистического характера послужили вышедшие в начале XXI в. книги, посвященные «Чехову в школе».

2004 год объявлен ЮНЕСКО «годом Чехова». В июле исполнилось сто лет со дня смерти писателя – по всему миру проводятся международные научные конференции, симпозиумы, издаются «Чеховианы», «Чеховские вестники». В издательстве «Наука» готовится трехтомная Чеховская энциклопедия. Библиография работ по Чехову, публикуемая в Чеховских вестниках, выходящих два раза в год, насчитывает до 100 источников. О Чехове пишут маститые ученые и начинающие чеховеды, театральные критики и режиссеры, доктора медицинских наук, писатели, поэты, журналисты... Литературы о Чехове, лежащей на полках книжных магазинов, едва ли не больше, чем написал за всю свою недолгую жизнь сам Чехов. Как не заблудиться в этом вишневом саду человеку, только начинающему свою изыскательскую деятельность: студенту, пишущему дипломную работу, аспиранту, выбравшему тему по творчеству Чехова? Где проходит грань между подлинно научным чеховедением, маргинальным и так называемым «народным литературоведением», претендующим на то, чтобы перекрыть классическое, – хотя бы по тиражу и доступности изложения материала? И стоит ли вообще о них говорить?

«Писать для детей не умею... И так называемую детскую литературу не люблю и не признаю», – писал когда-то Чехов, добавляя, что для детей надо писать так же, как и для взрослых, только еще лучше, и вряд ли задумываясь над тем, что его когда-нибудь будут «преподавать». Изучение творчества Чехова в школе – было, есть и, наверное, еще долго будет наиболее слабым звеном в преподавании литературы – заявляю как человек, многие годы соприкасающийся непосредственно с педагогической практикой. Об этом постоянно говорят и мои коллеги из разных вузов, когда мы встречаемся на чеховских конференциях. Не любят Чехова школьники: не потому ли, что «пройти» не успевают, только «проехать» мимо или пробежать галопом? Но это в старших классах, где «Вишневый сад» выпадает на последние дни мая, и гораздо приятнее ощутить его аромат непосредственно в

школьном саду или на даче у приятеля. То ли потому, что устарел писатель с его юмором, который и не воспринимается уже как юмор в нашем абсурдном мире. Даже «Каштанка» сейчас не идет, не говоря уж об «Унтере Пришибееве» или «Лошадиной фамилии». И всегда Чехов оказывается трудным для детей любого возраста. Посещение таких уроков удручает, советы методистов «добиться, чтобы до начала детальной работы над рассказом у школьников возникла определенная установка на анализ» не работают, и все дружно ждут конца урока.

Студенты филфака педуниверситета за пять лет обучения дважды выходят на практику в среднюю школу, гимназию, лицей, которые расплодилось как в отдельно взятом городе, так и по всей стране в качестве претендующих на «углубленное изучение литературы». И дважды – сначала в так называемом «среднем звене» (5-8 классы), а потом в «старшем» (9-11 кл.)-бедный студент судорожно начинает искать «методички» – либо в виде отдельных сборников («Преподавание Пушкина, Толстого, Чехова и пр. в школе»), либо (кто поумнее или просто добросовестнее) – книги, статьи по изучаемому автору. Часто на помощь приходит еженедельная газета издательского дома «Первое сентября» «Литература», где редактор Г. Красухин, активно привлекая известных литературоведов, публикует толковые статьи практически по каждому автору, изучаемому в школе (так, 22 июня 2003 г. была опубликована статья Н.И. Ищук-Фадеевой «Чехов и Горький. Концепция личности в драматургии», в которой автор попыталась осмыслить судьбу личности столь несхожих по своему стилю драматургов). Но «Литературы» на всех не хватает – ее выписывают только гимназии, финансовое положение которых (а точнее, родителей гимназистов) еще может позволить себе такую роскошь. Да и не всегда заманишь наших ведущих чеховедов в эту самую «Литературу»... А зря...

Выпущенная в 2000 г. в издательстве «Мегатрон» под редакцией М.И. Мещеряковой книга «А.П. Чехов в школьном изучении» [1]

смущает уже заголовком: «Сборник статей и материалов по биографии и творчеству **поэта**» – конечно, по большому счету Чехов поэт, но все же... Здесь многое удивляет: Авилова названа Вавиловой, Туркины – Турбинами... В качестве рекомендуемой литературы указаны статьи М.А. Рыбниковой 1924 года, Ф. Шушковской 1961 г., А. Белкина 1973 г., М.Н. Строевой 1974 г., С. Сивоконя 1979 г. – все это не то чтобы безнадежно устарело и не выдержало испытания временем (дело не в датах, а в таланте), просто смущает сам факт отбора – что-то же должно было измениться за столько лет!

Но самое большее – даже не удивление, а буквально потрясение испытываешь при чтении раздела «Биография Чехова», а точнее, его подраздела «Второе июля четвертого года. Новейшие материалы к биографии Чехова». Излагаются эти самые «новейшие материалы» по книге – следите внимательно! – «известного биографа Дэвида Магаршака», которые – цитирую – «оригинально переработаны Уильямом Сомерсетом Моэмом, впервые издаются в изложении на русском языке с необходимыми дополнениями в форме вольного перевода **Бориса Штерна**. Цитаты из книги Моэма в дальнейшем не оговариваются» (с. 10). Все это «цитируется выборочно по интернет-странице Алексея Комарова». Биография Чехова в изложении Магаршака - Моэма-Штерна - Комарова в результате выглядит следующим образом – здесь самое разумное просто привести несколько цитат без комментариев.

«Антон учился плохо и дважды оставался на второй год. Своим одноклассникам он не очень запомнился. Так о нем и писали: никакими особенными добродетелями или способностями не отличался. По-русски это называется «ни то, ни се» (с. 11).

«Семья Чеховых жила в полуподвальном помещении и труппном квартале, где располагались московские публичные дома (что-то вроде нашего лондонского Ист-Энда прошлого века)» (с. 11).

«Неприятным сюрпризом для Антона явилось то, что он, оказывается, говорил на «суржике» – южнорусский диалект с сильным влиянием мягкого украинского языка (слово «суржик» в этом значении не указано ни в одном из словарей. – О.С.): «стуло», «ложить», «пхнуть». Англичанам сразу следует запомнить, что слова «ложить» в русском языке не существует. Только «класть» (там же).

«Первым, кто хоть как-то помог Чехову войти в литературу, был петербургский издатель с легкомысленной фамилией Лейкин. Через много лет в конце жизни Лейкин, накачиваясь водкой в литературных салонах, бил себя кулаком в грудь и гордо кричал: «Это я сделал Чехова!» (с. 13).

«С 1880 по 1885 год Чехов написал триста рассказов! Они писались для заработка. Такая работа в искусстве презрительно именуется халтурой. В русском языке слово «халтура» имеет два значения: а) плохая работа и б) побочная работа; к Чехову, конечно, это слово, если и применимо, то только во втором смысле» (там же).

«Толстой часто встречался с Чеховым... Знакомство с Толстым являлось едва ли не большой честью, великого старца боялись и почитали, но Чехову не пришлось искать встречи с ним, автор «Войны и мира» однажды зимним вечером, прогуливаясь по Москве в валенках и зипуне (простая крестьянская одежда) и разувая, что в этом доме живут Чеховы, сам постучался к нему. У Чехова происходила очередная артистическая вечеринка, пьянка-гулянка, дым стоял столбом. Двери случайно открыл сам хозяин, в подпитии, и онемел при виде знакомой по фотографиям бороды и густых бровей.

– Вы – Антон Чехов? – спросил Толстой.

Чехов не мог произнести ни слова. Сверху доносились женские визги и песни.

– Ах, так у вас там девочки?! – потирая руки, воскликнул граф и, отодвинув хозяина, взбежал, как молодой, на второй этаж. Вечеринка была свернута, все занялись Толстым, а Чехов очень краснел и стеснялся. «Хороший, милый человек, – говорил Толстой. – Когда я матерюсь, он краснеет, словно барышня» (с. 19).

«Как-то в ранней молодости, в начале успеха Антоша Чехонте познакомился с Лесковым, напился и возвращался с ним ночью от девчочек...» (с. 30).

Ну что, читатель (студент, школьник, учитель), достаточно? Скажете: да кто же это все-таки воспримет? Тем более, что и не было никакого Моэма, а все это – лишь мистификация известного фантаста Б. Штерна? Так-то оно так, если не учитывать то обстоятельство, что книга Мещеряковой вышла тиражом в 5 тысяч экземпляров (для сегодняшнего времени цифра огромная!) и лежит практически в любой библиотеке не только столицы, но и, к сожалению, маленького провинциального городка, где еще верят печатному слову, к написанному «изда-

но в Москве» относятся с должным уважением, а подзаголовок «Новые биографические материалы» воспринимают с пиететом. Слова «цитируется по интернет-странице...» тоже ласкают слух, особенно в провинции, где Интернета нет в помине, но о нем слышали много чудесного, а вот книга эта уже стала культовой (сужу по дипломным работам своих студентов-заочников). А поскольку в Интернете на сайте «Чехов в школьном изучении» НИЧЕГО, кроме этого, нет, то здесь уже не до смеха. Знаю по собственному сыну, что весь 10 класс при подготовке к истории и литературе давно уже перешел на поиск материалов в Интернете. В век высоких технологий вроде бы это нормально, и наша большая домашняя библиотека уже нужна только нам самим, но мы, по крайней мере, хоть можем объяснить своему ребенку, что это НЕ ТО, а если весь класс приносит это самое НЕ ТО – в виде так полюбившихся учителям рефератов либо устных докладов? И это еще вопрос: поправит ли учитель такой материал, если у него самого на рабочем столе «Чехов в школьном изучении».

В предисловии к учебному пособию (которое, кстати, тоже названо претенциозно: «**Вместо** предисловия») составители уверенно заявляют, что «ТАКОГО Чехова школа не знает», что биография его, опубликованная во всех учебниках, – «не заметна, не привлекательна, не романтична» и вся как бы состоит из постоянного «не»: «не был, не состоял, не участвовал». Между тем это «писатель с мировым именем – а как это провозгласить?» Надо сказать, что составителям этого пособия «провозгласить» удалось: в диалог вступает Д. Галковский, чьи выдержки о Чехове из книги «Бесконечный тупик» (М.: Самиздат, 1998) также цитируются по Интернету. Галковский, видимо, тоже идет за «новейшие материалы» и призван теоретическими выкладками как-то укрупнить портрет писателя «с мировым именем», который «не был, не состоял, не участвовал». Однако многоголосия, к которому так стремились составители, не получилось – размышления (или измышления?) Галковского окончательно дорисовывают и без того портрет сильно приближенного к нашему времени персонажа, хамоватого, закомплексованного и лишенного способности чувствовать и замечать рядом находящегося человека: «Даже физиология у Чехова нехорошая, декадентская. В молодости еще – воспаление брюшины, геморрой, импо-

тенция, потом чахотка и сопутствующая этой болезни эротомания» (с. 28). Вот где, оказывается, истоки его мирового величия! «У Чехова был природный талант издевательства над людьми, дар духовного вампиризма. Он пил из окружающих жизненную энергию... Любить он не умел... Разве что чахотка давала ему импульс, но в этой болезни как раз нечто вампирическое: постоянное эротическое возбуждение и кровь, кровь, кровь. Чехов опустошал людей, опошлял. Даже Книппер, все же очень близкий ему человек, чувствовала чеховскую пустоту... Из-за необыкновенной пустоты Чехов... стал удобной вешалкой для идеалов... Чехов – гений лицемерия» (с. 29-30). Классическая биография Чехова рядом с Галковским и Штерном - Моэмом – просто скукота какая-то: ни тебе пьянок-гулянок, ни девочек. А как хочется, чтобы Чехов был – нет, не как все, а как известные политики и даже кандидаты в президенты!

Каждый раздел пособия – всего их семь – содержит своеобразный дайджест из известных и неизвестных, из Интернета (читай «новейших»), статей о Чехове: здесь Г.П. Бердников соседствует рядом с Алексеем Комаровым, с А.П. Чудаковым и Э.А. Полоцкой (знают ли наши уважаемые чеховеды, в какую компанию они попали?) соперничает некий «Семен Выскубов из Караганды», которого тоже цитируют по интернет-странице – им «написано» (беру в кавычки, так как не знаю, как это обозвать) ни больше ни меньше, как «Мастерство художественных деталей в рассказах Чехова», «Поэтика «Вишневого сада» и многое другое. В изложении Семена Выскубова расхожие представления о Чехове становятся не просто безвкусицей, но пошлостью в самом что ни на есть исконном смысле, т. е. пошлятиной («пошлый», по Далю, – неприличный, подлый, площадной, вульгарный). Здесь и «ухарь-купец Лопухин», и рассуждения о том, что Чехов, к счастью, «не дожил до других дач, устроенных на просторах его и нашей многострадальной родины, – на многочисленных островах архипелага ГУЛАГ» (с. 176). Страсть к обобщениям завела С. Выскубова к заявлениям типа: «Но нас, знающих о кровавых социальных катаклизмах... все это должно привести к более серьезным выводам о сущности образа Пети» (там же).

Замысел авторов-составителей – дать своеобразный веер разного рода статей – себя не оправдывает: разобраться школьнику (да и учителю), к примеру, в вопросе «Чехов и религия»

после выдержек из статьи А.П. Чудакова «Между есть Бог и нет Бога...» и В. Днепрова «Атеизм Чехова» без комментариев достаточно сложно, как и понять непростую проблему «Чехов-мыслитель» по статье (опять же из Интернета!) некоего Ник. Шмырова.

Разработки уроков по отдельным произведениям Чехова, представленные в сборнике, тоже, мягко говоря, вызывают недоумение – лично меня просто умиляют рекомендации уважаемых методистов: при изучении «Вишневого сада» «разделить на группы учащихся», причем каждая группа работает дома только над определенным «образом», пытаясь ответить на вопрос: «Кто виноват в происходящем?» Кто-то собирает компромат на Гаева, кто-то – на Раневскую, кто-то – на Петю и Аню... Причем при распределении учащихся по группам, оказывается, следует «учитывать успеваемость и развитие ученика, умение читать вслух (роли главных действующих лиц должны получить сильные ученики), а также характеры и склонности учащихся». Предложенные для анализа вопросы больше напоминают допрос:

– Что предпринимает Раневская для спасения сада?

– Как она расстается с именем? Долго ли ее мучит тоска?

– Легко ли она покидает родные места?

– Испытывает ли облегчение после продажи сада?

– Кто виноват в том, что сад продается за долги?

Учитель при этом, оказывается, призван «проследить, чтобы не были упущены основные моменты», которые перечислены ниже: «Очевидна никчемность Раневской, которая спешит упорхнуть в Париж», а «Гаева нельзя назвать даже личностью, и в списке действующих лиц он значится только как брат Раневской» (с. 159). Дальше больше: «Отыскав ВИНОВНИКА, можно перейти к следующему вопросу. Преподаватель подведет итог наблюдениям и предложит вниманию учащихся новую проблему: кто такой Петя Трофимов» (с. 156). Рядом с такими заявлениями Семен Выскубов из Караганды просто отдыхает... Советы Я.Г. Неструха читать пьесу по ролям (статья 1971 г.) могут завести в тупик выдавшего виды учителя: оказывается, при «первом чтении» некоторые ученицы (видимо, плохо успевающие) «восприняли рассказ Раневской о прошлом с **полным доверием**, полагая, что она второй раз вышла за

муж (?), была очень предана своему мужу, поэтому так самоотверженно ухаживает (?) за ним. Это, **в их глазах**, придает характеру Любви Андреевны оттенок благородства и вызывает к ней сочувствие». А чтобы такого не произошло, следует «чтение по ролям повторить» и читать до тех пор, «пока чтение не свидетельствовало бы о верном понимании персонажей, их взаимоотношениях, конфликта пьесы». Вот так, дорогие учителя: читайте, пока не обрящете.

Правда, нужно отдать должное авторам-составителям сборника «Чехов в школьном изучении»: как бы понимая, что «Семена Выскубова из Караганды» могут и не принять, они обращаются к авторитету А. Солженицына – тонкие наблюдения писателя над чеховским текстом в заметках «Окунаясь в Чехова» с лихвой перекрывают всю «интернет-продукцию». Как всегда у Солженицына, отдельные штрихи к рассказам («Попрыгунья», «В овраге», «Палата №6», «Ионыч») могут натолкнуть умного преподавателя на более серьезный разговор со школьниками о секретах чеховского мастерства, чем расписанный, как сценарий, «конспект урока». Однако проблема остается: Чехов в Интернете – это еще и сотни выпускных сочинений весьма сомнительного качества – каждое второе можно смело выбраковывать. Вот только кто этим будет заниматься?

Хотела сказать: «Обидно за Чехова», – да вспомнила – из Моэма - Штерна: «Да кто же Чехова обижает, дура? – ответили острые на язык журналисты Григоровичу. В русском языке женское «дура» по отношению к мужчине звучит не оскорбительно, а ласково-покровительственно» [1, с. 15]. Да еще успокоило предостережение на форзаце книги: «Никакая часть данного пособия не может быть скопирована без согласия владельца авторских прав». Вот и славно.

Однако наряду с этими безграмотными и эпатажными методическими наставлениями есть и вполне доброкачественное пособие. Там авторы не стремятся завлечь учеников и учителей всякими скандальными заявлениями, разукрасив ими «скучную» биографию Чехова, а учат школьника и учителя необходимому для жизни пониманию как прошлого, так и современного исторического мышления. Речь идет о сборнике «Чехов в школе» (автор-составитель И.Ю. Бурдина) [2], в котором в виде поурочного планирования, так облегчающего работу учителя, есть все, что нужно учителю: различные типы заданий для всех ступеней обучения,

даны несколько категорий – способов проверки знаний: перечень тем сочинений, письменных заданий, научных сообщений. Соблюден принцип вариативности – учителю предоставлен самостоятельный выбор чтения чеховских текстов, анализ которых с помощью ведущих специалистов предложен тут же в виде «Отрывков из критических статей и литературоведческих работ». Расписана и биография Чехова (в младшем и старшем звене; есть даже раздел «Чехов и Суворин»), здесь же кратко представлен «Чехов в воспоминаниях современников». Автор разрабатывает уроки с учетом возрастных особенностей учеников и предлагает, кроме того, всякого рода внеклассные мероприятия (литературный вечер «В гостях у Чехова», литературные семинары). Словом, есть откуда взять материал.

Плохо одно – предоставив учителям выбор пособий и учебников, наша печать, зани-

мающаяся школьными делами, наши ведущие методисты, наши доблестные ученые-чеховеды и все те, от кого зависит доведение информации до пользователя, как-то погромче, чтобы было их слышно, не объяснили бы, как научиться выбирать достойное и отличать развесистую клюкву от знания. Назрела, по-видимому, необходимость в проведении круглого стола, идея которого уже год как блуждает в Чеховской комиссии с подачи ее ученого секретаря И.Е. Гитович на тему «Чехов читаемый и (или) изучаемый» с подзаголовками: Чехов вузовский, Чехов школьный, Чехов музейный. Эту идею горячо поддерживают все чеховеды, которые преподают в вузах и имеют через вузы выход на школы, музейщики, и наверняка поддержат умные школьные учителя. Нам всем есть что тут сказать, о чем вместе подумать. Как было бы хорошо, если бы это осуществилось.

Список использованной литературы:

1. А.П.Чехов в школьном изучении. Сб. статей и материалов по биографии и творчеству поэта / Под ред. М.И. Мещеряковой. – М.: Научно-практический центр, 2000. – 224 с.
2. Чехов в школе. Книга для учителя / Автор-составитель Бурдина И.А. – М.: Дрофа, 2001. – 320 с.